

0- 782985

*На правах рукописи*



**ТЕМАЕВА Хава Нахаевна**

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
МИР ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА И ЕГО МОТИВЫ  
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПРОЗЕ**

**Специальность 10.01.02 – Литература народов РФ**

**АВТОРЕФЕРАТ**  
**диссертации на соискание ученой степени**  
**кандидата филологических наук**

**Майкоп – 2010**

750000  
Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века Чеченского государственного университета и на кафедре русской литературы и журналистики Адыгейского государственного университета

Научные руководители: доктор филологических наук, профессор,  
Туркаев Хасан Вахитович,  
доктор филологических наук, профессор  
Паранук Кутас Нуховна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор  
Хуако Фатима Нальбиевна,  
кандидат филологических наук, доцент  
Инаркаева Субран Исламовна

Ведущая организация – Адыгейский Республиканский институт  
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Защита состоится «15» апреля 2010 года в 11 час. на заседании  
диссертационного совета Д.212.001.02 при Адыгейском государственном  
университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Адыгейского государственного университета.

Автореферат разослан «15» марта 2010 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000726974

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук, профессор

Унарокова Р.Б.

**Актуальность диссертационного исследования.** Чингиз Айтматов стал одним из самых популярных писателей XX века. Уже в середине 80-х годов его произведения были изданы на 150 языках мира общим тиражом в 40 млн. экз.<sup>1</sup> Ныне эта цифра удвоилась. Столь повышенный интерес к творчеству писателя объясняется, прежде всего, мощью его литературного таланта и актуальностью проблем, поднимаемых им в своих произведениях.

Творчество Ч. Айтматова становится хрестоматийным с первых повестей писателя. Оно изучается в учебных заведениях страны, а в отечественном литературоведении формируется направление – «айтматоведение».<sup>2</sup>

Наконец, его произведения вызывают неослабевающий интерес и европейской,<sup>3</sup> и отечественной литературной критики. Вот что пишет Мустай Карим: «Чингиз Айтматов – один из немногих наших тюркоязычных писателей, который заставил чужестранного, особенно западного, читателя вступить в общение со своими героями, заставил любить и ненавидеть их, сопереживать им».<sup>4</sup>

Через сложную систему созданных им образов он оказывал последовательно активное влияние на формирование общественного мнения не только в бывшем союзе, но и за его пределами. Оно существенно сказалось на развитии отечественной прозы, в том числе наиболее ярко обнаружилось в северокавказской литературе. В его творчестве гармонично сочеталось то, что принято подразумевать под дихотомией национальное-общечеловеческое. На постсоветском пространстве, как в России, так и в странах СНГ, его наследие получает исключительно продуктивный отклик в произведениях многих и разных писателей, что является свидетельством реального диалога культур. Взаимодействие его художественного опыта с творчеством писателей ряда народов Северного Кавказа объясняется еще и тем трагическим обстоятельством, что эти народы (чеченский, ингушский, калмыцкий, карачаевский, балкарский) в период массовых репрессий были депортированы, в том числе и в Киргизию, которая приютила изгнанников, дала им кров и пищу, причем не только материальную, физическую, но и духовную. В творческой судьбе М. Геккиева, С. Гуртуева, Т. Зумакуловой, К. Мечиева, И. Семенова, К. Кулиева впечатления от Киргизии – родины Ч. Айтматова – наполнены драматическим смыслом. Опосредованное отражение темы переселения имеется и в творчестве целой плеяды карачаево-

<sup>1</sup> Чингиз Айтматов в современном мире: автор – книга – читатель: Опыт социокультурного и книговедческого исследования. – Фрунзе, 1989. – С. 3.

<sup>2</sup> Асаналиев К.А. Открытие человека современности. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. – Фрунзе, 1968; Воронов В. Чингиз Айтматов: Очерк творчества. – М., 1976; Гачев Г. Чингиз Айтматов и мировая литература. – Фрунзе, 1982; Мирза-Ахмедова П.М. Национальная эпическая традиция в творчестве Ч. Айтматова. – Ташкент, 1980 и др.

<sup>3</sup> См., например: Строилов Л. Творчество Чингиза Айтматова в западно-европейской критике. – Фрунзе, 1988; Рыскулова Ж.М. Восприятие творчества Ч. Айтматова в англоязычных странах. – Фрунзе, 1987. и др.

<sup>4</sup> Карим М. О писателе Ч. Айтматове // Литературная газета. – 1978. – 13 дек. – №50. – С. 3.

балкарских поэтов более молодого поколения (А. Акбаев, Ф. Байрамукова, А. Бегиев, М. Беппаев, Х. Джаубаев, А. Додуев, Б. Лайпанов, Д. Мамчуева, М. Мокаев, С. Мотгаева, А. Созаев, М. Табаксоев, А. Узденов). При всем многообразии имен, стилей, мировоззрений, художественных особенностей поэтические произведения о выселении — это произведения, созданные в защиту жизни человека, этноса, общества от насилия.

Изучение позитивно-интенсивного воздействия эстетики Ч. Айтматова, его философии, художественной практики на современный литературный процесс насчитывает не один десяток лет. От этого она не перестает быть актуальной. Наоборот, по мере углубления литературоведения и критики в духовный, нравственный и художественно-философский мир Ч. Айтматова, тем больше открывается вопросов и неизученных аспектов его творческих поисков. Надо полагать, что проблема взаимоотношений духовных, культурно-эстетических образований и систем сегодня не стала менее значительной, чем она была когда-либо. А в новое время (XX век) она породила целую систему исследовательской мысли в разных науках по общественному и человековедению. В этой системе наук литературоведению принадлежит приоритетное место. Еще Горький отмечал, что формируется единая литература народов союза, «которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племен», создает «единую, величественную, грозную и обнимающую весь мир ... культуру».<sup>5</sup> Она должна быть «синтезом общих творческих усилий всех народов» страны, «результатом взаимодействия национальных по форме литератур».<sup>6</sup> Такое единство и определяет единство эстетических целей, родство исторического пути и «изображаемых характеров, сходство основных конфликтов и сюжетов и общность художественного языка ..., то есть близость основных принципов отбора и организации выразительных средств языка в границах... его национального своеобразия».<sup>7</sup>

Сложность литературно-художественных взаимовлияний национальных литературных систем отмечается и В. Жирмунским, одним из первых в наше время обративших серьезное внимание на этот феномен: «Всякое идеологическое (в том числе литературное) влияние закономерно и социально обусловлено», которое «определяется внутренней закономерностью предшествующего национального развития, общественного и литературного. Чтобы влияние стало возможным, должна существовать потребность в таком идеологическом импорте, необходимо существование аналогичных тенденций развития, более или менее оформленных в данном обществе и в данной литературе»,<sup>8</sup> ибо как пишет автор, «влияние не есть случайный, механический толчок извне, не эмпирический факт индивидуальной биографии писателя» (там же), а результат сложного взаимопроникновения фактов, явлений, ситуаций, процессов.

<sup>5</sup> Горький М. СС, Т.30, М., 1955, С. 366.

<sup>6</sup> Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 157.

<sup>7</sup> Тимофеев Л. На пути к творческому единству. 1917-1930-71 История многонациональной советской литературы, т.1., М., 1976, с. 224.

<sup>8</sup> Жирмунский В. Сравнительное литературоведение. М., изд. «Наука», 1979, с. 74.



Справедливо полагал автор историко-типологического метода исследования литературного процесса В. Жирмунский, что «для всякого сравнительно-исторического изучения литературы вопрос о чертах различия и их исторической обусловленности не менее важен, чем вопрос о сходстве» (там же, с. 75-76). То есть речь о том, что для восприятия чужого опыта необходимы обстоятельства и уровень развития воспринимающего его. Но сам факт взаимовлияния позитивен и творчески обусловлен, «от этого для мировой литературы большая польза» (Гёте). Проблемами литературного взаимодействия много и плодотворно занимались Л. Тимофеев, И. Неупокоева, Н. Надъярных, М. Пархоменко, Н. Гачев, Г. Ломидзе, Р. Бикмухаметов, Г. Гамзатов, З. Кедрина, З. Османова, К. Султанов, Л. Бекизова, А. Бучис, К. Шаззо и другие. И все подчеркивают присутствие объективных для этого условий: «для освоения инонационального художественного опыта молодыми писателями необходимо наличие у них следующих факторов: 1) определенной идейно-эстетической подготовки, 2) собственных национальных художественных традиций, и главное – 3) обмена между развитой культурой и только что зарождающейся».<sup>9</sup>

Такие позитивные обстоятельства, безусловно, уже наличествовали в литературном процессе Северного Кавказа и Дагестана, да и во всех окраинах бывшей союзной империи, чтобы плодотворно следить за тем, что происходит в больших литературах и в творчестве крупнейших писателей, каковым является Чингиз Айтматов. Даже сам великий Гёте учился у других, как подчеркивает В. Жирмунский, «Гёте сам в своем творчестве ... представляет наиболее яркий пример «универсального поэта нового времени, творчески воспринявшего и переработавшего многообразие традиций мировой литературы» (указ. соч., с. 80). Айтматов многому учился у других и сам стал той величиной, которая способна повлиять на свое время и на его духовно-эстетические искания. А северокавказские народы (некоторые из них были высланы в страны Средней Азии и их культура многое образовала в них) оказались близкими к тем проблемам, которые волновали Айтматова. Он – и киргизский писатель, и писатель для всех народов, учился у гениев, но и у своего фольклора.

Сам писатель, свободно творивший на двух языках – киргизском и русском – не раз отмечал: «Как русскоязычный писатель я, естественно, примыкаю к русской литературе. И, все-таки, вопрос этот особый, а возможно, в чем-то новый в литературной практике. При всем том, будучи русскоязычным автором, я исхожу из своей национальной данности – что бы я ни писал, киргизский язык и мое национальное мировосприятие неотлучно присутствуют в моем самовыражении».<sup>10</sup>

В творчестве Ч. Айтматова можно легко проследить черту, характерную для всех писателей-билингвов, создающих свои произведения на двух языках – использование фольклорного и этнографического материала

<sup>9</sup> Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, изд. «Мецниереба» (Наука) АН Грузии, 1978, с. 54.

<sup>10</sup> Айтматов Ч., Икэда Д. Ода величию духа. – М., 1994. – С. 84.

в качестве национального элемента. Так, в произведениях Ч. Айтматова мифологическая символика выполняет двойную функцию: идейно-эстетическую и национальную. Известная исследовательница фольклора У. Далгат в этой связи указывала, что связь «... литературного произведения с произведением устного народного творчества мотивируется не только стремлением выразить национальную специфику, но и самим ходом творческой мысли автора, который не может совершенно отключиться от обычного для него синтаксиса, ритмической структуры фразы, специфической образности»<sup>11</sup>.

«Фольклор – искусство подлинно самодеятельное, существующее прежде всего для самих его творцов и исполнителей, для самих масс»<sup>12</sup>, – отмечает Вл. Гусев. Поэтому творцы и исполнители стремились к тому, чтобы сюжет был максимально прозрачным. «Сюжет устных творений есть не что иное, как простое расположение материала действительности, тогда как письменная литература создает сложные сюжетные структуры, помогающие художнику в глубинном проникновении в связи людей и событий»<sup>13</sup>. Об этом не раз писал и В. Кожин: «... в сказке фабула и сюжет почти тождественны, ибо сказка передает только определенное сочетание факторов, сообщает о самых основных событиях и поступках персонажа».<sup>14</sup> Тем не менее, при кажущейся упрощенности поэтики фольклора произведения устного народного творчества содержат громадный художественно-философский смысл, что продемонстрировал Ч. Айтматов своим к ним отношением.

Вообще, проблема литературно-фольклорных связей в прозе Ч. Айтматова всегда вызывала живой интерес не только профессиональных литературных критиков, но и простых читателей, которые таким образом лучше начинали понимать истоки ментальности героев, созданных силой воображения великого киргизского писателя.

Актуальность темы исследования обусловлена и углубляющимся интересом к творчеству Чингиза Айтматова, как к единой эстетической и философской системе, а также тем обстоятельством, что логика развития художественного мира писателя теснейшим образом связана с нравственно-этическим дефицитом в современном мире. В его произведениях прослеживаются представления автора о нравственно-этических ценностях, на которых должно ориентироваться общество и утрата которых ведет его в бездну бездуховности и деградации. Ч. Айтматов самым активным образом выступает против духовной инертности, свойственной значительной части его современников. Его герои силой обстоятельств оказываются в ситуации, когда от них требуется нравственный выбор, их победа или поражение обусловлены силой духа человека, в критические минуты жизни сознательно выбирающего Добро и отвергающего Зло.

<sup>11</sup> Далгат У. Литература и фольклор: Теоретические аспекты. – М.: Наука, 1981. – С. 147.

<sup>12</sup> Гусев В. Эстетика фольклора. Л., Наука, 1967, с. 269.

<sup>13</sup> Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, 1978, с. 61.

<sup>14</sup> Кожин В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы, М., 1964, с. 435.

Сам Ч. Айтматов не упускал случая подчеркнуть, что основная тема его творчества – тема совести. На это не раз указывали и критики: «Шел от народа, от его нравственных представлений. С юношеских лет у него сформировались точные и бескомпромиссные представления о добре и зле, о ценности человека, о долге»<sup>15</sup>.

Между тем, нравственно-этическая проблематика творчества Ч. Айтматова чрезвычайно близка к русской литературе XIX-XX веков, особенно философии и духовной программе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. При всей несхожести творческой манеры, произведения Ч. Айтматова содержат нравственный посыл человечеству, по своей мощи сопоставимый с аналогичным посылом указанных двух величайших русских писателей.

Творчество Ч.Айтматова многими нитями связано с творчеством и М. Шолохова. Не случайно литературная критика часто сравнивала «Прощай, Гульсары!» с романом «Поднятая целина». Киргизский писатель продолжает шолоховские традиции поиска героем своей нравственной пристани в «разбитом бурей свете», не повторяя уже открытое им. Самобытный его талант давно стал школой для многих авторов у нас и за рубежом – и в этом тоже актуальность поставленных нами проблем.

Изменения, произошедшие за последние два десятилетия на постсоветском пространстве, ставшие возможными во многом благодаря формированию в обществе иного морально-нравственного климата, делают произведения Ч. Айтматова сегодня даже более актуальными, чем в ту эпоху, когда они были написаны. В связи с этим чрезвычайно востребованными оказались:

1) духовно-нравственные и этические ценности и критерии, предложенные времени писателем;

2) они особенно актуальны для Российского и постсоветского общества после событий 1991 года;

3) духовные и нравственные проблемы, художественный уровень их решения в творчестве писателя существенно изменили соответствующие направления поисков отечественной прозы 60-80-х годов прошлого века;

4) особенно сильное воздействие оказал художественно-философский мир Ч. Айтматова на северокавказскую литературу; оно продолжается и сейчас, когда такими сложными и трудными оказались процессы духовного и нравственного возрождения народов северного Кавказа.

Как отмечалось выше, нравственно-этическая проблематика творчества Ч. Айтматова чрезвычайно близка русской литературе XIX-XX веков, и одновременно, многим литературам народов России и стран СНГ. Сам писатель неоднократно подчеркивал определяющее влияние русской литературы на развитие национальных литератур: «Лично я считаю, что многие национальные литературы происходят от самой русской литературы, от ее плоти и духа. Скажем прямо: не было бы русской литературы – не было бы и современной казахской, киргизской, каракалпакской и многих других литератур. Никакая другая литература – ни английская, ни американская, ни

<sup>15</sup> Глинкин П. Е. Чингиз Айтматов. – Л.: Просвещение, 1968. – С. 8.

немецкая – не смогла выполнить такую благородную историческую миссию, не смогла «породить» по своему образу и подобию родные ей национальные литературы»<sup>16</sup>. Без Ч. Айтматова, скажем под мысль его, отечественная литература 60-90-х гг., особенно северокавказская, была бы иной.

Нравственно-этические проблемы, поднятые в творчестве Ч. Айтматова, их созвучие с реалиями нашего времени придают актуальность и данному диссертационному исследованию, поскольку лучшие свои возможности северокавказская проза 60-80-х гг. проявила в магнитном поле духовного мира Ч. Айтматова, в котором серьезному, ищущему писателю не оказаться было невозможно. Это признают многие северокавказские авторы. А вот что пишет автор из Киргизии: «... мощный талант Чингиза Айтматова обогатил киргизскую повесть, раздвинул ее жанровые рамки и возможности, приравняв их к возможностям романа ... Его поиски и открытия были подхвачены и разработаны (конечно, по-своему) идущим вслед за ним поколением писателей. Не случайно в советской критике появился новый термин «Школа Айтматова». В художественном решении нравственно-этических и философских проблем северокавказская проза 60-80-х гг. оказалась в значительной степени ориентированной на творчество Ч. Айтматова, однако степень этого воздействия исследована мало, что тоже определяет актуальность избранной нами темы.

Актуальность темы исследования обусловлена также повышенным интересом современного литературоведения и критики к нравственно-этической проблематике в творчестве писателей разных национальностей.

**Степень разработанности темы.** Творчество Ч. Айтматова привлекло к себе внимание широкого круга писателей и литературных критиков: на всех континентах опубликованы сотни журнальных, газетных статей и монографических исследований. Среди них немало работ, касающихся нравственно-этической проблематики его произведений. Одной из первых занялась ею Л. Лебедева<sup>17</sup>, которая сопоставляет как отдельные сюжетные линии, так и проблематику произведений, убедительно демонстрируя при этом значимость последней для раскрытия как темы произведений, так и их главных действующих лиц. Особый интерес представляет предпринятый Л. Лебедевой довольно подробный анализ повести «Джамиля». Излагая две нравственные позиции, отраженные в повести, она противопоставляет их и затем дает собственную оценку ее социально-нравственной проблематике. Не менее глубоко и верно исследует она и нравственно-этические коллизии повести «Прощай, Гюльсары!» и с принципиальных позиций ведет разговор о тех же проблемах в повести «Белый пароход». Впрочем, в некотором роде это было лишь развитием размышлений о проблематике повести «Белый пароход», изложенных Л. Лебедевой в статье «Главное в человеческой жизни».<sup>18</sup>

<sup>16</sup> Цит. по кн.: Акматалиев А.А. Чингиз Айтматов и взаимосвязи литератур. – Бишкек, 1991. – С. 119-120.

<sup>17</sup> Лебедева Л. Повести Чингиза Айтматова. – М.: Худож. лит., 1972. – 77 с.

<sup>18</sup> Лебедева Л. Главное в человеческой жизни // Дружба народов. – 1971. – №1. – С. 269-272.

В контексте этих идей раньше были проанализированы повести «Материнское поле» и «Тополек мой в красной косынке».<sup>19</sup>

Рассмотрению нравственно-этических аспектов повестей Ч. Айтматова посвящена и работа К.А. Асаналиева.<sup>20</sup>

Ряд глубоких и интересных суждений о взглядах Ч. Айтматова содержится в трудах критика Л. Арутюнова.<sup>21</sup>

Попытки раскрыть нравственно-этический мир Ч. Айтматова принят и в целом ряде монографических исследований.<sup>22</sup> Всестороннему раскрытию нравственных позиций героев произведений Ч. Айтматова способствует и то обстоятельство, что авторы перечисленных монографий далеко не всегда согласны друг с другом. Так, например, В. Селиверстов достаточно активно полемизирует с Гачевым относительно оценки повести «Джамилы». Конечно, с позиций сегодняшнего дня подход упомянутых выше авторов к нравственно-этической проблематике в произведениях Ч. Айтматова зачастую представляется слишком привязанным к официальной государственной идеологии. Тем не менее, все эти работы оказались весьма полезными при написании данного исследования.

Разносторонний анализ творчества Ч. Айтматова содержится в труде А. Акматалиева,<sup>23</sup> основное внимание которого обращено на выявление роли произведений Ч. Айтматова во взаимообогащении национальных литератур, но при этом автор исследует и комплекс их нравственно-этических проблем.

Особую ценность для исследования представляют и диссертационные работы.<sup>24</sup> Они воспринимают творческое наследие Ч. Айтматова как единое це-

<sup>19</sup> Лебедева Л. Неразделимые контрасты // Новый мир. – 1966. – №9. – С. 206-215.

<sup>20</sup> Асаналиев К.А. Открытие человека современности. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. – Фрунзе, 1968.

<sup>21</sup> Арутюнов Л. Проблемы исследования художественных форм национального самосознания // Национальное и интернациональное в советской литературе. – М.: Наука, 1971. – С. 141-196.

<sup>22</sup> Селиверстов М. Откровения о любви. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. – Фрунзе, 1966. – 147 с.; Коркин В. Человеку о человеке. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. – Фрунзе, 1974. – 97 с.; Воронов В. Чингиз Айтматов. Очерк творчества. – М.: Сов. писатель, 1976. – 231 с.; Гачев Г. Чингиз Айтматов и мировая литература. – Фрунзе, 1982. – 284 с.; Левченко В. Чингиз Айтматов. Проблемы поэтики, жанра, стиля. – М.: Сов. писатель, 1983. – 236 с.; Базаров Г. Прикосновение к личности. Штрихи к портрету Ч. Айтматова. – Фрунзе, 1983. – 67 с.

<sup>23</sup> Акматалиев А. Значение творческой активности Ч. Айтматова в процессе взаимообогащения национальных литератур. – Бишкек, 1994. – 308 с.; Акматалиев А.А. Чингиз Айтматов и взаимосвязи литератур. – Бишкек, 1991. – 184 с.

<sup>24</sup> Газизова А.А. Нравственно-философские искания современной советской прозы (Ч. Айтматов, В. Распутин) / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – М., 1980. – 16 с.; Исенов А.Х. Художественное своеобразие повестей Чингиза Айтматова / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – Алма-Ата, 1982. – 24 с.; Мирза-Ахмедова П.М. Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – М., 1981. – 21 с.; Мискина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – Томск, 2004. – 203 с.; Паганинова Н.М. Художественное воплощение философской проблематики в прозе Ч. Айтматова / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – М., 1988. – 16 с.; Разумная И.С. Идеино-художественное решение проблемы совести в творчестве Ч. Айтматова / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – Фрунзе, 1981. – 22 с.

лое. Вместе с тем, в них отчасти затрагивается и интересующая нас проблематика. Фактически единственной работой, непосредственно касающейся проблем влияния Ч. Айтматова на северокавказскую литературу 60-80-х гг., является исследование В.В. Юлдашевой.<sup>25</sup> Но и в ней использован довольно ограниченный материал, а вопрос фольклора в творчестве Айтматова только обозначен.

Для более полного осмысления концепций Ч. Айтматова по нравственно-этическим проблемам современности необходимо обратиться к его авторской публицистике.<sup>26</sup> Нравственные проблемы, стоящие перед человечеством, влияние литературы на формирование личности, мировые религии и суть справедливости, влияние культуры на политику – эти и другие, столь же значимые, темы оказываются в центре внимания диалогов Ч. Айтматова с японским мыслителем Д. Икэда.<sup>27</sup>

Сборник «Чингиз Айтматов в современном мире: автор – книга – читатель: Опыт социокультурного и книговедческого исследования» помогает лучше понять значение творчества Ч. Айтматова в формировании общественного мнения в СССР,<sup>28</sup> как выразителя коллективного сознания эпохи по важнейшим нравственно-этическим проблемам. Следует отметить также, что общечеловеческие ценности, провозглашаемые Ч. Айтматовым, четко прослеживаются в работах зарубежных авторов.<sup>29</sup>

Анализ их работ позволяет выделить несколько основных направлений исследовательской мысли: проблемы художественного перевода, психологизм Ч. Айтматова, идейно-художественное своеобразие его произведений, литературно-эстетические взгляды. При этом бросается в глаза отсутствие специальных работ, посвященных влиянию этого аспекта его творчества на северокавказскую прозу. Вместе с тем, краткий обзор наиболее значимых работ, затрагивающих нравственно-этическую проблематику в произведениях Ч. Айтматова, показывает, что противопоставление нравственного мира героев составляет основную коллизию его творчества. В то же время нравственное содержание литературных персонажей Ч. Айтматова составляет одну из их главных отличительных черт. Таким образом, обращение к нравственно-этическим поискам Ч. Айтматова в контексте его влияния на другие национальные литературы становится необходимым для полноты освещения его творчества.

**Научная новизна исследования** состоит в том, что в нем впервые предпринята попытка целостного исследования нравственных основ творчества писателя, которые во всех других работах рассматриваются лишь кос-

<sup>25</sup> Юлдашева В.В. Концепция нравственного выбора в художественном мировидении Чингиза Айтматова и ее влияние на северокавказскую прозу 60-80-х гг.: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – Майкоп: Изд-во МГТИ, 2002. – 23 с.

<sup>26</sup> Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою: Очерки, статьи, беседы, интервью. – Фрунзе, 1978. – 408 с.; Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – М., 1988. – 384 с. и др.

<sup>27</sup> Айтматов Ч., Икэда Д. Ода величию духа. – М., 1994. – 272 с.

<sup>28</sup> Чингиз Айтматов в современном мире: автор – книга – читатель: Опыт социокультурного и книговедческого исследования. – Фрунзе, 1989. – 360 с.

<sup>29</sup> См., например, Чингиз Айтматов в Германии: Исследования, статьи, рецензии. – Фрунзе, 1991. – 144 с.



венно. При этом большинство авторов исходит из внешнего их своеобразия без учета особенностей внутреннего содержания, природы нравственно-этических кодексов писателя. Между тем, именно они и лежат в основе его творчества, которое целиком посвящено высокой миссии отстаивать Добро.

Кроме того, в настоящем исследовании предпринята попытка конкретизировать нравственно-этические представления Ч. Айтматова, проследить параллели, связывающие его опыт с поисками северокавказских писателей, а также указать на их общие истоки, связанные с устным творчеством. В частности, современная чеченская литература многое взяла от народных героико-исторических песен *илли* – давно сложившийся жанр устного народного творчества. «Она, тем не менее, оказалась подвержена и внутрижанровому развитию, и главное – актуальному воздействию общественно-исторических факторов. Не случайно, что в чеченских *илли* появляется новый герой – антагонист предводителя феодального типа – это так называемый «сын матери», не имеющий родового имени, герой более демократический по своему происхождению и героическим поступкам»<sup>30</sup>.

Современная северокавказская литература, как и киргизская, выросла из устного народного творчества, и развивалась под прямым воздействием русской литературы. Эти же самые истоки имеет и творчество Ч. Айтматова, что делает его произведения (особенно ранние повести) такими близкими и понятными для национального читателя.

Именно в этом ключе необходимо искать объяснение тому факту, что творчество Ч. Айтматова оказало столь заметное воздействие на современных северокавказских писателей. В его произведениях они увидели, какими оригинальными красками могут заиграть фольклорные мотивы, сюжеты и образы, если их удастся мастерски вплести в канву вполне современного художественного произведения. Тем не менее, кажущаяся очевидной духовная близость великого киргизского писателя современной северокавказской литературе редко становилась предметом специального исследования. Более того, национальная литературная критика до сих пор проходила мимо этого замечательного феномена.

В отличие от большинства публикаций, лишь в той или иной мере касающихся темы настоящей работы, наше исследование носит комплексный характер. В нем содержится достаточно подробная характеристика творчества Ч. Айтматова, его влияния на современный литературный процесс и на северокавказский – тоже.

Целью настоящего исследования является выявление нравственно-этической основы творческих исканий Ч. Айтматова, показ живой связи между нравственно-этической проблематикой, сюжетной линией и системой образов в его произведениях; определение неповторимо индивидуального в художественном воплощении поднимаемых проблем в контексте авторского влияния на произведения северокавказских писателей.

<sup>30</sup> Далгат У.Б. К проблеме историзма героико-исторических песен народов Северного Кавказа и Дагестана // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. – Грозный, 1988. – С. 11.

**Задачами исследования являются:**

- уяснение сути нравственно-этических исканий Ч. Айтматова через соответствующий анализ его произведений;
- исследование творчества Ч. Айтматова с точки зрения отражения в нем его собственных нравственно-этических представлений;
- выявление эволюции нравственно-этических представлений писателя в его творчестве;
- выделение общечеловеческого и национального в художественной интерпретации Ч. Айтматовым нравственно-этической проблематики;
- определение степени и направлений влияния творчества Ч. Айтматова на северокавказскую прозу 60-80-х гг. XX в.

Поскольку объект исследования широк и многогранен, была поставлена задача сосредоточиться на основных, самых главных аспектах нравственно-этической основы художественных произведений Ч. Айтматова.

**Объектом настоящего исследования** являются творческое наследие Ч. Айтматова и произведения северокавказских авторов, испытывших его плодотворное воздействие.

**Предметом исследования** стала выстроенная Ч. Айтматовым система художественного воплощения нравственно-этических представлений, творчески проявившая себя в прозе северокавказских писателей.

**Методологической основой исследования** явились работы М. Бахтина, В. Жирмунского, С. Аверинцева, М. Полякова, Г. Гамзатова, К. Султанова, К. Шаззо, Х. Хапсирокова, Н. Конрада, Д. Лихачева, И. Неупокоевой, А. Алиевой, З. Османовой, У. Долгат, К. Абукова, М. Хакуашевой, У. Панеша и др., труды литературоведов, посвященные творчеству Ч. Айтматова, а также касающиеся общих вопросов развития национальных литератур бывшего СССР и, прежде всего, киргизской литературы. При этом работы таких литературоведов, как А. Акматалиев, Л. Арутюнов, Г. Гачев позволили уточнить сущностные характеристики творческого наследия Ч. Айтматова и присущей ему нравственно-этической проблематики. Определенную помощь в этом оказали также работы исследователей фольклора, посвященные идеям взаимосвязи национальных литератур.

В диссертационном исследовании в первую очередь применялась комплексная система методов интерпретации художественного текста: структурно-семиотического, структурно-функционального, стилистического, интертекстуального. В основе системы лежит целостный подход к творчеству писателя, сочетающий в себе элементы сопоставительного и типологического анализа.

Кроме того, были использованы следующие методы:

- метод терминологического анализа – для определения или уточнения используемых в диссертационном исследовании понятий;
- метод теоретического анализа – для определения роли нравственно-этических представлений писателя в создаваемой им художественной картине мира.

Методы, применяемые в настоящем исследовании, являются в известной мере междисциплинарными и используются и в целом ряде других наук.



### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Литературам народов Северного Кавказа 1960-2000 гг. близка многосложная проблематика произведений Ч. Айтматова, которая, как правило, раскрывается через нравственно-этический конфликт, либо межличностный, либо между отдельной личностью и обществом. При этом утверждаемые писателем нравственные идеалы не противоречат духу традиционной народной этики, выраженной в глубоко осмысливаемых автором философии и эстетики национального фольклора..

2. Художественное исследование проблемы нравственного выбора в произведениях Ч. Айтматова и многих писателей Северного Кавказа базируется на историчности мышления, социальной зоркости, философской и эмоциональной наполненности, психологической точности прозы великого писателя. Несмотря на постоянное обращение к прошлому, в качестве героя, воплощающего в себе айтматовские идеалы нравственности, в произведениях Ч. Айтматова всегда выступает его современник.

3. Совестливость, широта натуры, уважение к старшим, родителям, выносливость в трудностях и жизненных невзгодах, трудолюбие и дань признания человеку-труженику, человеку-творцу, неприятие лжи и несправедливости – вот вопросы, которые нашли яркое и верное решение как в произведениях Ч. Айтматова, так и писателей Северного Кавказа. Многие из этих авторов утверждают перед своими читателями высокую меру духовности, тончайшую культуру чувств, а при оценке действий и устремлений своих героев он выступает как нравственный максималист, постоянно вызывающий к лучшему в человеке и непримиримый к любым проявлениям бездуховности. Во всем его художественно-публицистическом творчестве нравственность является сердцевинной, главным стержнем становления и формирования личности.

4. Ч. Айтматов и многие выдающиеся писатели Северного Кавказа со всей бескомпромиссностью ставят в своих произведениях вопрос о гармоничном развитии личности как одной из основ прогресса. Преодоление нигилизма по отношению к истории и культуре прошлого, а также к природе – вот в чем, по их мнению, состоит залог достижения этой гармонии.

5. Северо-кавказские писатели, как и Ч. Айтматов, создают свой собственный мир, характерными чертами которого являются наличие в нем добра и света, любви и человечности, гармонического единства отдельной человеческой судьбы и судьбы общенародной. Мир Ч. Айтматова – это квинтэссенция времени, эпохи, рубежей, веков, пробуждение нравственного сознания.

6. Гуманизм Ч. Айтматова во многом определяет художественные достоинства его книг и книг его современников в различных национальных литературах Российской Федерации. Человек со страниц его романов, повестей и рассказов предстает во всем своем многообразии и в то же время в тесном единении с народом, с природой, с родной землей,

которые помогают ему в исполнении человеческого долга и перед жизнью, и перед людьми.

7. Нравственно-этический контекст произведений Ч. Айтматова позволяет рассматривать его творческое наследие как нечто единое целое, пронизанное лейтмотивными линиями, состоящими в утверждении принципов Добра. Оно оказалось способным на существенное воздействие на современное духовное сознание и художественное творчество писателей разных народов и разного эстетического опыта на всем постсоветском пространстве.

8. Для многих современных северокавказских писателей творчество Ч. Айтматова явилось важнейшим ориентиром в их обращении к вопросам общечеловеческой философии и нравственности, в осмыслении ими сложнейших современных проблем.

**Практическая значимость** диссертационной работы состоит в том, что предложенные нами методы изучения творческого наследия Ч. Айтматова вполне применимы к анализу процессов, происходящих в других литературах, независимо от национальной принадлежности их представителей.

Кроме того, материалы настоящего исследования могут быть применены при чтении учебных курсов по литературе советского и постсоветского периодов, а также спецкурсов: по творчеству Ч. Айтматова и по проблемам нравственно-этических современной прозы, в том числе и северокавказской.

**Апробация результатов работы.** Диссертация обсуждалась и положительно оценена на кафедре русской литературы XX века Чеченского государственного университета. Основные положения и результаты, положенные в основу настоящего диссертационного исследования, проходили апробацию в ходе дискуссий и сообщений на научных конференциях. Так, теоретические положения, вошедшие в настоящую работу, были изложены в выступлении автора на научной конференции «Мир, согласие и сотрудничество», посвященной 60-летию ЧГУ в 1998 г., на международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ю.Д. Дешериева в 2008 г., на республиканских научно-практических конференциях молодых ученых «Наука и молодежь» в 2008 г. и 2009 г.

**Структура диссертационного исследования.** Настоящая диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во введении дана общая характеристика исследуемой проблемы; обоснованы выбор и актуальность темы диссертационного исследования; проанализирована степень ее научной разработанности; определены объект, предмет, цель и задачи исследования; указаны ее теоретическая, методологическая, источниковедческая база; раскрыта научная новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава – «Художественные основы киргизской литературы и своеобразие их отражения в раннем творчестве Ч. Айтматова, его воздействие на северокавказскую прозу» – состоит из двух параграфов и посвящена выявлению истоков творчества писателя, которые лежат в народном фольклоре. Что касается морально-этических представлений автора, то они также во многом базируются на народной этике.

В первом параграфе – «Этноисторические и эстетические истоки киргизской литературы» – содержится краткий анализ основных особенностей киргизского фольклора, наивысшим художественным достижением которого является эпос «Манас».

Фольклор сыграл важную роль в формировании художественного мышления киргизского народа, его духовного сознания. Что касается «Манаса», то он богат эпическими памятниками, в основе которых часто оказывались реальные события. Победу народа над чужеземными врагами сказители отмечали созданием эпических произведений, воспевающих богатырей и великий дух народа, а когда временно торжествовали враги – появлялись песни о скорбном времени.

Формирование эпического мышления не было актом одномоментным. Изучая фольклорные материалы, исследователи достаточно уверенно выделяют четыре периода развития эпического мышления в истории киргизского фольклора.

Первый период формирования коллективного эпического мышления киргизов исследователи датируют IV-VIII веками. В указанные века высокую художественную форму обретают мифы и легенды о загадочно-фантастических событиях и свойствах людей и животных. А для усиления эмоционального воздействия на слушателей использовалось такое выразительное средство, как художественное преувеличение или гиперболизация качеств явлений и предметов.

Второй период датируется обычно VIII-XIV веками, на протяжении которых произошел целый ряд важнейших исторических событий, в частности, монгольское завоевание всей Центральной Азии. Именно в этот период происходит формирование нескольких крупных киргизских племенных объединений, что отразилось в фольклоре. Отныне не только воспевание подвигов богатырей, но и прославление вождей родов и племен становится главной тенденцией в развитии фольклора.

Третий период (XV-XIX веков) характеризуется появлением народной поэмы, основным содержанием которой становятся проблемы семейно-бытового и социального характера, а ведущими качествами оказываются сочувственны и гуманистические отношения к простым людям.

Четвертый период в развитии киргизского фольклора, датируемый XIX-XX веками, отмечен возрождением древней эпической традиции и необычайной популярностью богатырского эпоса «Манас», который по праву считается самым выдающимся и непревзойденным памятником всей киргизской литературы.

«Манас» занимает самое видное место в богатейшем фольклорном наследии киргизского народа, поскольку именно в этом произведении, имеющем яркую художественно-поэтическую форму, киргизский народ сохранил не только память о реальных исторических событиях и сведениях из жизни киргизов, но и морально-нравственные, этические представления, составившие одну из основ национальной ментальности киргизов. Не случайно академик В.В. Гадлов видел в «Манасе» «поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа»<sup>31</sup>. На анализе эпоса и другого фольклорного материала автор демонстрирует широкое и многообразное их влияние на чеченскую литературу.

Особенности национального характера любого народа во многом обусловлены общими для этноса коллективными образами и представлениями. Исток этих представлений, а одновременно и исток художественного мышления – мифы, зародившиеся в глубокой древности. При этом то, что в древнем народном творчестве на первый взгляд может показаться обожествлением, одухотворением природы, при более глубоком рассмотрении обнаруживает разум, философскую мудрость народа. Мифы можно рассматривать как некую форму сохранения памяти человечества.

При этом мифические образы и представления длительное время сохраняются в массовом сознании, оказывая заметное воздействие на мировосприятие даже современного человека. Поэтому обращение к мифам способствует выходу литературы из узких бытовых рамок на уровень планетарного мышления, осмыслению в литературном творчестве глобальных проблем истории и современности. Именно на основе мифологического фольклорного материала киргизские писатели создают вполне современные по духу и форме произведения, наиболее ярким примером чему может служить творчество Ч. Айтматова.

Через миф литература тяготеет к философско-символической обобщенности, неслучайно поэтому, что постоянное обращение к мифу обнаруживается в произведениях многих писателей, современников Ч. Айтматова, например, «Дата Туташхия» Ч. Амирэджиджи, «Твоя заря» О. Гончара, «Царь-рыба» В. Астафьева и др. По мнению дагестанского ученого-исследователя современной прозы Н.К. Аджаматовой, «обращение литературы к мифу, органическое взаимодействие литературы и мифа или даже сплав литературного и мифологического никак не означает регресса профессионального искусства слова XX столетия, скорее наоборот, это демонстрирует расширение и углубление художественного потенциала искусства, обретение им содержательной и изобразительной многозначности»<sup>32</sup>.

<sup>31</sup> Гадлов В.В. Образы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. – СПб, 1885. – С. 12.

<sup>32</sup> Аджаматова Н.К. Проблема эволюции конфликта и национального характера в прозе народов Дагестана и Северного Кавказа. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Махачкала, 2007. – С. 23.

Таким образом, фольклор и литература являются, по сути, самостоятельными эстетическими системами, имеющими собственные традиции, особенности развития и функционирования. Между тем, для любого исследователя очевидна живая связь между ними, ставшая одной из закономерностей развития литературного процесса XX века. Даже самый беглый обзор мировой литературы XX века показывает, что она унаследовала от мифа и конкретно чувственный способ обобщения, и характерный для эпохи древности синкретизм. А тип художественного сознания в «молодых» литературах во многом определяется синтезом национальных мифопоэтических или мифологических традиций с современным литературным сознанием. При этом, если первоначальное обращение «молодых» литератур к устному народному творчеству было вызвано объективными причинами нехватки опыта у них, то уже в середине века использование «народной мудрости» становится средством упорядочивания художественного материала.

Эта особенность свойственна и северокавказской литературе. Более того – появлению прозаических жанров в северокавказской литературе предшествовала объемная работа начинающих писателей по сбору и публикации произведений устного творчества (сказок, притч, анекдотов и др.). Возвращение к обычаям былых времен, к верности и непоколебимости имевшихся столетиями моральных и общественных установок разборчиво просматривается практически во всех северокавказских литературах.

Именно народный эпос служит питательной средой современной киргизской литературы, что особенно заметно на творчестве Ч. Айтматова, в котором художественное самосознание киргизского народа достигает высоты общечеловеческого.

Во втором параграфе первой главы – «Нравственные искания героев в раннем творчестве Чингиза Айтматова» – исследовано значение морально-этических проблем как идейной сердцевины первых повестей писателя и их влияние на северокавказскую прозу.

В центре всех ранних повестей Ч. Айтматова стоит проблема нравственного выбора, которая раскрывается им через систему героев как положительных, так и отрицательных. При этом их борьба за свое счастье, за возможность реализовать себя как личность неизменно оказывается выбором в пользу высоких нравственных идеалов.

И в первых повестях, посвященных, казалось бы, судьбе одного или двух конкретных людей – замысел автора неизменно оказывается шире внешней сюжетной канвы повествования. Так, в повести «Лицом к лицу» Ч. Айтматова волнует не столько судьба Исмаила и его жены Сейде, сколько проблема нравственного выбора, перед которым оказываются его герои.

Исследуя ее, Ч. Айтматов разворачивает перед читателем картину сложной внутренней эволюции, которую претерпевает Исмаил, и показывает, что отсутствие нравственных идеалов неизбежно приводит к разрушению личности, утрате человеческого достоинства.

И прямо противоположная перемена происходит с Сейде, которая нашла в себе достаточно внутренних сил для выбора в пользу высших нравственных идеалов.

Обозначаемая Ч. Айтматовым в повести «Лицом к лицу» жизнь отдаленного аила, сопровождаемая в своем изображении жизнью духовно-нравственной и индивидуальной, становится во второй половине 60-х гг. объектом изображения писателей многонациональной советской литературы, в частности, дагестанского автора Ахмедхана Абу-Бакара в повести «Снежные люди» (1966), подробный анализ которой предпринят в работе.

При этом структура нравственного выбора, воссоздаваемая в повести «Лицом к лицу», содержит в себе типологические признаки всей ранней прозы Ч. Айтматова и в первую очередь – его одухотворяющую веру в человека. Через все ранние повести Ч. Айтматова проходит тема идеала, в свете которого можно было бы изменить действительность. Среди многочисленных персонажей повестей «Джамиля», «Верблюжий глаз», «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель», «Материнское поле» – автор ищет настоящего человека и находит его среди самых разных людей.

Духовный императив, предложенный Ч. Айтматовым современности, оказался как нельзя кстати. Для северокавказской литературы 60-90-х гг. он обусловил возможность раскрытия внутреннего мира юных героев повестей А. Туаршева «Испытание мужества», Г. Братова «Я вернусь», каждый из которых способен на осознанный подвиг. В обстановке обостренного нравственного выбора совершают свой подвиг герои повести С. Капаева («Полноводная Тазасу»), Марзият из повести Х. Ашинова («Вооруженные люди»), – героини, родственные Джамиле Ч. Айтматова, способные восхитить и изумить даже врага. Рассматриваемая в работе героиня произведений северокавказских литератур А. Узденова («Саньят»), А. Евтыха («Судьба одной женщины»), С. Курумовой («Моя ошибка»), Х. Ашинова («Зафак – чудо-танец»), П. Кошубаева («Пророчество судьбы») – личность думающая, развивающаяся, социально-активная, но в то же время, женщина с богатым духовным и эмоциональным внутренним миром. При этом авторы не боятся выводить лирические сферы своих героинь на первый план, рисуя насыщенную картину их внутренней жизни, даже порой в ущерб сюжетной стороне произведения.

Одним из главных источников радости и счастья для героев ранних произведений Ч. Айтматова является труд. В северокавказской литературе подобное отношение к труду активно утверждает в своих произведениях также выходец из семьи потомственных кубачинских умельцев-златокузнецов дагестанский писатель Ахмедхан Абу-Бакар. После выхода в свет его повестей «Даргинские девушки» и «Чегери» критика единодушно признала, что «в советскую многонациональную литературу пришел самобытный писатель, открывший жизнь своего народа с его духовными устремлениями и неиссякаемым трудолюбием»<sup>33</sup>, – в откровенно узнаваемой атмосфере айтматовской прозы.

<sup>33</sup> Османова З. Земля и небо Ахмедхана Абу-Бакара // Абу-Бакар А. Избр. произведения. Т. 1. М., 1980. С. 5.

Процесс поиска и обретения высоких нравственных идеалов совсем не прост для героев Ч. Айтматова, а порой по-настоящему мучителен. Некоторые его герои идут по этому пути, даже не осознавая до конца всей значимости и глубины собственного выбора. Например, юный Кемель, вступивший в нравственный поединок с законченным эгоистом Абакиром, по-настоящему гуманен и верен высоким идеалам, хотя еще не представляет себе всей сложности и противоречивости жизни. Эти и другие образы из ранних повестей Ч. Айтматова убедительно раскрывают позицию самого автора – только тот устоит перед жизненными испытаниями, кто останется верен своим идеалам. При этом для ранних повестей Ч. Айтматова характерно наличие в них молодых, несовершеннолетних героев, что является тенденцией, типичной для всей северокавказской литературы. Впрочем, настоящими героями этим персонажам еще предстоит стать, поскольку в большинстве случаев авторы проводят их через первое серьезное испытание. Часто таковым является начало боевых действий, нападение врага на родину, что происходит в произведениях М. Батчаева, А. Туаршова, Г. Братова, С. Капаева, Х. Ашинова, С. Панеша, Х. Байрамуковой и др., в которых на первом плане оказывается личность подростка, делающего первые шаги по пути нравственного и духовного освоения мира. При этом авторы не сразу, а постепенно раскрывают перед читателем мир мыслей и чувств взрослеющих героев.

Удивительная сила воздействия на читателя ранних произведений Ч. Айтматова объясняется тем, что в их основе, как правило, лежит морально-этический конфликт между отдельной личностью и обществом в целом. С другой стороны, художественное исследование проблемы нравственного выбора в ранних произведениях Ч. Айтматова проявляют историчность мышления, социальную зоркость и философскую наполненность, психологическую точность прозы писателя, что с достаточной степенью отчетливости обнаружилось позже и в прозе северокавказских авторов.

Во второй главе – «Духовно-нравственный мир героев в повестях Ч. Айтматова» и его своеобразие в прозе Северного Кавказа – рассмотрено содержание повестей Ч. Айтматова, относящихся к следующему периоду его творчества, который начинается с повести «Прощай, Гульсары!». Как и прежде, писатель поднимает важнейшие морально-нравственные проблемы, стоящие перед Человеком, но теперь автор шире и глубже захватывает жизнь, пытается проникнуть в самые сокровенные ее тайны. Ч. Айтматов воссоздает уже не отдельные стороны жизни, а картины мира, со всем его прошлым, настоящим и будущим. И если в ранних произведениях писатель сосредоточен преимущественно на своеобразии киргизской ментальности, то теперь на первый план уверенно выходят проблемы общечеловеческие.

Новый масштаб задач, стоящих перед писателем, обусловил и усложнение принципов повествования. Рассказ от автора посредством непосредственно-прямой речи порой смешивается с исповедью героя, нередко



переходящей во внутренний монолог. В свою очередь, внутренний монолог героя столь же незаметно может перейти в речь автора. Действительность осмысливается в единстве ее настоящего, ее корней и будущего.

Резко усиливается и роль фольклорных элементов. Вслед за лирическими песнями, нередко звучавшими в первых повестях, Ч. Айтматов все шире и свободнее вкрапливает в ткань произведений народные легенды, реминисценции из эпоса «Манас» и других эпических сказаний. А в повести «Белый пароход» картины современной жизни оказываются, как многоцветные ковровые узоры, вытканые на канве киргизского предания о Рогатой Матери-оленихе. К тому же очеловечивание (антропоморфизм) природы настолько органично в новых повестях Ч. Айтматова, что человек воспринимается как ее неотторжимая часть. Включаемая Ч. Айтматовым в сюжет мифологема оленихи, возможно, напрямую породила идею и символический образ белой турихи в повести балкарского писателя З. Толгурова «Алые травы». Столь же очевидно появление молодого олененка в повести А. Абу-Бакара «Белый сайгак», художественная концепция которой также основывается на мифологическом сюжете известной в народе легенды о белой девочке и белом сайгаке, где семья разумных и великодушных степных сайгаков спасает брошенную в степи злой мачехой девочку, вырастивая из нее добрую и красивую девушку.

Для айтматовских и, впоследствии, – для многих северокавказских героев – жизнь зачастую равна одному мигу, а миг – всей жизни. Детство, отрочество и юность героя часто пересекаются, и их переплетение способствует более глубокому проникновению в душу персонажа. Причем по мере того, как в современной литературе усиливается интерес к личности путешествия героя вглубь себя встречаются все чаще (повести «Испытание мужества» А. Туаршева, «Долог путь к себе» И. Капаева, «Моя тетя» М. Магомедова и др.). В повести А. Туаршева «Испытание мужества» уже взрослый главный герой ведет изложение из будущего, периодически переносясь из образа растущего подростка в образ умудренного жизнью человека. В повести дагестанского писателя М. Магомедова «Моя тетя» выходящий на первый план лишь в зачине и в финале взрослый герой просматривается в мыслях и рассуждениях лирического героя – подростка. Подобное смешение прошлого, настоящего и будущего времен способствует усложнению композиции произведения. Условность времени, которая прослеживается в лучших произведениях Ч. Айтматова и становится позже характерной для северокавказской прозы, порождена авторской нацеленностью ставить и решать вневременные духовно-нравственные вопросы, волнующие человечество с давних эпох.

Обозначенный период творчества Ч. Айтматова тоже характеризуется углубленной постановкой важнейших этических проблем. Благодаря этому в каждом сколько-нибудь значимом эпизоде повествования читатель наглядно видит Добро и Зло, воплотившиеся в том или ином образе.

Ни один из героев повести «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова не является носителем всеобщей правды. Подобная тенденция ухода от соц-



реалистической заданности однозначно отрицательных и однозначно положительных героев, проявилась и в северокавказских литературах. Так, казалось бы, в характере отрицательного персонажа повести А. Теппеева «Дорога в девять дней» Бекира есть и явные достоинства, что приближает автора к более достоверному изображению действительности. В частности, неподдельные и, казалось бы, нетрадиционные для горца волнения по поводу своей невесты, в некоторой степени «одушевляют» Бекира. Частые оттенки такого рода, противоречащие негативной «заданности» героя, увлекают и сообщают конфликту беспристрастность и остроту. Так и персонажи Ч. Айтматова олицетворяют собой разные правды, и лишь через их взаимодействие воссоздается правда эпохи и человеческих взаимоотношений. Они могут быть отношениями взрослых и детей.

Образ ребенка как символ нравственной чистоты встречается практически во всех северокавказских литературах. Внутренний мир таких персонажей оказывается на первом плане. Так происходит в произведениях А. Туаршева, З. Толгурова, М. Батчаева, С. Панеша, Х. Ашинова, О. Хубиева и др., в основе сюжетной линии которых актуально и животрепещуще определена социально значимая проблема нравственного формирования личности. И хотя в северокавказской литературе не найти образа, равного айтматовскому мальчику по силе художественной выразительности и эмоционального воздействия, сама тенденция изображения детей как носителей добра и нравственной чистоты высшей пробы прослеживается у национальных писателей весьма отчетливо.

Антиподом мальчика и воплощенным носителем Зла в повести «Белый пароход» выступает Орозкул. Конфликт между этими двумя центральными героями и определяет сюжетную канву повести. При этом нравственная победа над мальчиком могла достаться Орозкулу только в одном случае – если бы тот перенял его мировоззрение и отказался от своей сказки-мечты. Но именно этого и не происходит. Мальчик уходит не потому, что он проиграл – просто после убийства маралов ему нет места рядом с Орозкулом. Только по роковому стечению обстоятельств мальчику некуда уйти с далекого кордона, кроме как направиться в свою сказку.

Орозкул, как живое воплощение потребительского отношения к Природе, имеет немало аналогов в литературе народов Кавказа. В частности, даргинский писатель А. Абу-Бакар в своей повести «Белый сайгак» вывел образ предводителя шайки браконьеров Эсманбета – духовного двойника айтматовского Орозкула. В повести «Белый сайгак» А. Абу-Бакар продолжает начатый Ч. Айтматовым разговор, который ведется на плацдарме взаимоотношений человека и природы. Эсманбет, нарушая все запреты, ловит «красную» рыбу и охотится на сайгаков, сбывая свою добычу друзьям, работающим в торговле. Он прекрасно знает легенду о Белом сайгаке, которому издревле поклоняется род батыра Ногай и, тем не менее, не задумываясь поднимает на него оружие. Созвучность проблема-

тики и сюжета произведения «Белый сайгак» А. Абу-Бакара и повести «Белый пароход» Ч. Айтматова невозможно не заметить.

Появление повести «Пегий пес, бегущий краем моря» литературная критика восприняла как (разумеется, с достаточной долей условности) некое продолжение повести «Белый пароход». Для более полного раскрытия нравственного мира своих героев Ч. Айтматов прибегает к описанию конфликта не межличностного и даже не конфликта между отдельным человеком и обществом, а между Человеком и слепыми силами природы. Именно в этом противостоянии духовное богатство личности может проявиться с особой силой. В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» взрослые добровольно избирают смерть ради того, чтобы подарить шанс на спасение самому младшему члену команды охотников, оказавшихся в безбрежном океане.

Через самопожертвование раскрывается сила духа человека, готового принять смерть, но не отступить от нравственных норм, делающих его Человеком. Идея настолько выпукло проходит через повесть «Пегий пес, бегущий краем моря», что она образует трагическую поэму о самопожертвовании. Орган, Эмраин и Мылгун обрекают себя на смерть во имя их будущего, воплощенного в Кириске. В этом, наверное, и заключается высота и величие человеческого духа. Ч. Айтматов изображает внутренний мир героя через общечеловеческую нравственность, целомудренность душ героев – через общее этическое понятие «Человек».

Айтматовская канцепция самопожертвования прослеживается и в северокавказской прозе, например, в повести А. Туаршева «Испытание мужества», главным героем которой является подросток Мурадин. На его глазах происходит вражеская оккупация родного аула. Охваченный безысходной ненавистью к врагу, мальчик готов к самоубийству, которое, как ему представляется, избавит его от общенационального бессилия. Так и в повести М. Батчаева «Элия» в роли центрального героя выступает двенадцатилетний подросток, в собственном изложении раскрывающий ситуацию нравственного выбора, в которой оказался его отец.

Форма автобиографического рассказа не однажды повторится позже в основанных на фактическом материале северокавказских повестях, отображающих судьбы выросших в идентичных обстоятельствах крестьянской жизни Северного Кавказа подростков (М. Батчаев, С. Мисроков, О. Эбзеев, И. Капаев, Ц. Кохова, А. Кешоков, А. Кушхаунов и др.). Относительно автобиографизма в младописьменной прозе исследователи отмечают, что он явился для нее основной формой перехода от коллективного авторства в фольклоре к индивидуальному творчеству. В младописьменной прозе он стал первым, самым доступным способом выражения индивидуальной канцепции мира.

Мысль об истоках айтматовского ощущения природы, которое несет на себе печать четко выраженного своеобразия, приводит к традиционному

миропониманию киргизов, отразивших еще в эпосе «Манас» сопричастность природы миру людей, эту патриархальную по своей сути нерасторжимость человека и окружающего мира. В творчестве Ч. Айтматова эта национальная традиция, трансформируясь, находит свое продолжение и развитие, но, будучи качеством, внутренне присущим его таланту, получает особое выражение в структуре повествования. Природа у Ч. Айтматова становится действующим лицом: пейзаж обретает ту глубину, что позволяет не только видеть, но также слышать и чувствовать ее как удивительно живой мир, полный большого и серьезного смысла.

Такого рода способность одушевления природы прослеживается позже и в северокавказских литературах (А. Охтов, А. Теппеев, Н. Куек, Г. Братов, К. Абуков и др.). Природа у Г. Братова («Я вернусь») в некоторой степени одушевлена и умеет слаженно подстроиться под настроение центрального персонажа. А сам рассказчик, описывая ее, неоднозначен, и его изменчивые оценки также зависят от его настроения и размышлений на данный момент времени.

Таким образом, как и прежде, Ч. Айтматов ставит перед собой одну цель – своими произведениями помочь решить самые важные вопросы человеческого бытия. Предметом его художественного исследования является душа человеческая. Само по себе это означает, что в центре внимания писателя стояли проблемы глубоко нравственные. Причем сила его художественного слова такова, что превращает поверхностные читательские переживания в глубоко личные чувства, что не могло не повлиять на северокавказскую прозу. В целом, в повестях второй половины прошлого века национальные авторы, освоившие в своих книгах уровень лирической прозы, активнее, чем в других прозаических жанрах, стали следовать процессу основательного постижения диалектики внутреннего состояния человеческой личности.

Третья глава – «Нравственное состояние современного мира в романах Ч. Айтматова и особенности его в северокавказской прозе» – целиком посвящена тому, каким видится писателю отражаемый в романах духовный мир человечества.

Романы Ч. Айтматова по силе и глубине художественных и философских размышлений о судьбах человека и цивилизации весьма значительно отличаются от его повестей. Но при этом писатель остался верен своим идейно-художественным принципам и продемонстрировал поистине редкостное композиционное мастерство, благодаря которому в превосходно построенных фабулах его поздних произведений сплетаются настоящее и прошлое, реальное и легенда, мечты и суровая повседневность с памятью о национальных корнях.

Одним из важнейших достижений «позднего» Ч. Айтматова является неподражаемое искусство, с которым он в живых, полных драматизма и символики картинах открывает читателям органическую связь между про-

шлым и настоящим, нерасторжимость индивидуального бытия и народной жизни, значение памяти как связующего звена в непрерывной череде сменяющих друг друга поколений. Сюжет романа «И дольше века длится день» построен на времени одного дня. Однако мастерством писателя он по наполненности событиями и воспоминаниями, остроте переживаний героев приравнен к целому веку. Следует отметить, что подобное авторское внимание к форме воспоминаний продолжится позже и в северокавказских литературах. Пытающиеся глубже проникнуть в душу своего персонажа авторы удачно реализуют этот художественный прием в прозе, обогащая таким виртуальным лиризмом эпическое повествование (Х. Ашинов, П. Кошубаев, Ю. Чужако, Г. Братов, З. Толгуров, А. Теппеев, И. Капаев и др.).

При этом каждый из романов Ч. Айтматова является философским произведением, затрагивающим интересы всего человечества. В этих произведениях воспроизводится время через призму легенд, фантастических событий, которые имеют начало в прошлом, продолжаются сегодня, стремятся в завтра. Анализ большого количества произведений северокавказских писателей убеждает нас в том, что мифологическое помогает авторам свободно соединять разные стороны сюжета, опирающегося на события и явления, и на данные мифологии. Причем происходит это вследствие появления новых акцентов в понимании национальной истории и национальной духовности, как в философской концепции Ч. Айтматова.

Для всех романов Ч. Айтматова характерно наличие сразу нескольких сюжетных линий, но все они, переплетаясь, образуют некую целостность, тесно связываясь друг с другом общностью поставленных проблем. И проблемы эти, при ближайшем рассмотрении – всегда духовные, нравственные. Писатель сам сформулировал основной вопрос бытия, который в его романах звучит вновь и вновь: «Как человеку человеком быть?». Вопрос этот не остается без ответа, потому что каждый человек обязан уяснить связь своей личной судьбы с судьбой человечества и шире – мироздания, в котором он живет.

В романах Ч. Айтматова Добро терпит поражение в открытом столкновении со Злом. Тем не менее, положительные герои, выступающие носителями Добра, отстаивают свою нравственную позицию до конца и бескомпромиссно. Так, Руна или Авдий Каллистратов обречены в одиночку бороться за справедливость, за совесть в человеке. Их борьба обречена изначально, но, тем не менее, они не способны ни отступить, ни прекратить свое служение Добру. И что самое главное, автор показывает, что не только борьба его героев, но даже и их гибель никогда не бывает бессмысленной. Их проповедь Добра и нравственного начала всегда находит отклик. Так, благодаря Руне Андрей Крыльцов впервые по-настоящему задумался о нравственной стороне программы, которой он посвятил свою жизнь.

Гибнет и главный герой последнего романа Ч. Айтматова – Арсен Саманчин, но гибнет ради спасения других людей, а также ради того, что-

бы не допустить окончательного нравственного падения Таштанафгана, замыслившего Зло.

Таким образом, обрекая своих героев на смерть ради утверждения их правоты, Ч. Айтматов достигает своей главной цели – так у читателя возникает потребность в катарсисе, духовном очищении через сострадание.

Герои как северокавказской, так и айтматовской прозы в момент особого напряжения изображаемого нередко обращаются к праотцам мысленно с целью соотнесения своего морального состояния с ценностями, сформированными народом столетиями. Представление об ответственности человека не только перед потомками, но и перед предками отчетливо присутствует и в северокавказской традиционной духовной культуре, отражаясь и на всей горской ментальности. Это хорошо известный всем кавказцам постулат о том, что за каждый свой поступок (хороший или плохой) человек несет ответственность перед семьей своими предками и семьей поколениями своих потомков. Достаточно резко идея исторической ответственности человека заявлена в повести карачаевского писателя Муссы Батчаева «Когда предки осуждают». Личное счастье и уважение к предкам – это два ракурса, которые никогда в ситуации избрания жизненного пути не пересекутся безболезненно. Этот мотив, обогащенный идеями современности, интересно разработан и в повести Ю. Чуяко «Чужая боль», что и анализируется в диссертации.

Единственное средство, которое может спасти как отдельного человека, так и все человечество, Ч. Айтматов видит в возвращении к нравственным истокам. Именно нравственно-этические нормы для Ч. Айтматова являются единственным способом достижения полной гармонии мира и человеческой души. Они же служат истинным критерием оценки Добра и Зла. Вместе с тем, это еще и мудрость предков, веками проверенный опыт поколений, который современное человечество обязано сберечь и передать своим потомкам.

Эта философская позиция близка и большинству северокавказских писателей, каждый из которых создает в своих произведениях собственную Вселенную и собственную философскую систему, призванную найти человеку достойное его место в мироздании. И что очень важно – для многих национальных, в том числе и северокавказских писателей современности, творчество Ч. Айтматова стало отправной точкой в их обращении к вопросам общечеловеческой нравственности, к вопросам духовной глобализации человечества без отвлечения от философии отдельного представителя этноса.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы выводы о значении нравственно-этических проблем в творчестве Ч. Айтматова, в современном мире и о том, как его большой и непостижимо глубокий опыт находит отражение в духовно-эстетических поисках северокавказских писателей.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:**

*В рецензируемом, реферируемом журнале «Вестник ПГЛУ», рекомендованном ВАК:*

1. Темаева Х.Н. Духовно-нравственный мир героев в раннем творчестве Ч. Айтматова. – Пятигорск, 2009, Вестник ПГЛУ, №2. – С. 255-257.

2. Темаева Х.Н. Проблемы судеб цивилизации в романах Ч. Айтматова. – Пятигорск, 2009, Вестник ПГЛУ №3. – С. 81-84.

*Монография и статьи*

3. Темаева Х.Н. Духовно-нравственный и художественный мир Чингиза Айтматова и его традиции в северокавказской прозе. // Монография. – Майкоп, 2009. – 152 с.

4. Темаева Х.Н. Мир человека и человек в мире в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» // Тезисы докладов региональной научно-практической конференции «Мир, согласие и сотрудничество». – Грозный, 1998. – С. 276-277.

5. Темаева Х.Н. Становление личности в раннем творчестве Ч. Айтматова // Вайнах. – 2008. – №5. – С. 73-77.

6. Темаева Х.Н. Духовное наследие киргизского народа в исторической памяти чеченцев // Материалы международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ю.Д. Дешериева. – Назрань, 2009. – С. 259-263.

7. Темаева Х.Н. Философское осмысление судьбы человечества в творчестве Ч. Айтматова // Вестник ЧГУ. – Грозный, 2009. – С. 170-173.

**ТЕМАЕВА ХАВА НАХАЕВНА**  
**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР**  
**ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА И ЕГО МОТИВЫ**  
**В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПРОЗЕ**

***А В Т О Р Е Ф Е Р А Т***

Подписано в печать 14.03.2010 г.  
Формат бумаги 60х84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага ксероксная. Гарнитура Таймс.  
Усл. печ. л. 1,25. Заказ №0,25. Тираж 100 экз.

Издательство МГТУ  
385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

